

ИРОНИЧЕСКИЙ ХОРРОР

Василий Чибисов

КРАСНЫЙ АНГЕЛ

ЧЕРНОВИКИ

Василий Чибисов

Красный ангел. Черновики

«Accent Graphics communications»

Чибисов В.

Красный ангел. Черновики / В. Чибисов — «Accent Graphics communications»,

Грехи прошлого – это письма в будущее. Но что делать, когда судьба присылает ответ? С курьером. Лично в руки. Остается только надеяться на случайного прохожего. Вдруг он окажется психотерапевтом. Или демонологом.

© Чибисов В.

© Accent Graphics communications

Содержание

Василий Чибисов	5
Есть два страха...	5
1	5
2	6
3	8
4	10
5	10
6	12
7	15
8	18
Посылка ищет адресата	22
1	22
2	23
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Василий Чибисов

Красный ангел

1

Сто лет без права пересылки

Есть два страха...

*И отдаленный, едва слышимый лай какого-то огромного пса
продолжает мучить меня.
Лавкрафт. Собака*

Любое погружение в транс оставляет нас наедине с нашим бессознательным. И никто не может поручиться, что за следующим поворотом лабиринта из самых невинных ассоциаций не притаилась лохматая и зубастая...

– Собака.

1

*Психологический центр «Озеро»
2 февраля, 2017*

Светлана Александровна Озёрская отложила маятник в сторону и пристально посмотрела на мирно спящего в кресле пациента. Уже пятый сеанс гипноза срывался самым постыдным образом. И это была не методическая ошибка, а отдельная, трудно решаемая проблема. Остальные клиенты, впадая в транс, вели себя «как положено», как дедушка Фрейд завещал. Вернее, прадедушка Шарко, но это уже детали.

Озёрская редко, крайне редко использовала гипноз. «Любое внушение невольно блокирует некоторые стороны Вашей личности, краткий период облегчения может смениться неделями депрессии», – так она говорила и своим клиентам, и своим ученикам. Но это была только часть правды. Сон разума рождает страшных, но относительно безопасных тварей. Гипноз выпускает этих зверей из заточения. Иногда всех разом.

Психотерапевт прервала поток своих неуместных философских рассуждений и прислушалась. Ей не показалось: пациент сквозь сон что-то бормотал. Но это не был связный рассказ или даже поток сознания. Многие во сне разговаривают. Ну как разговаривают? Так, издают какие-то звуки, иногда произносят отдельные слова или даже фразы. Но осмысленной речи там нет. Не было осмысленности и в словах пациента.

– Какая пушистая собака! – настойчивее произнёс спящий в кресле мужчина и погрузился в ещё более глубокий сон. На губах играла блаженная улыбка, дыхание было ровным и спокойным.

Светлана не собиралась его будить. Во-первых, клиент был состоятельным и обязался честно оплачивать каждый час консультаций – даже если большую часть времени он спал. Во-вторых, в книге записей этот «соня» теперь всегда был последним: когда он уснул так в первый раз, пришлось следующего пациента принимать в другом кабинете. В-третьих, хотя никакого прогресса не было, Света не сдавалась. Ей нужно было разгадать эту загадку. Кроме того, постоянные бессонницы никому не идут на пользу, и надо использовать каждую возможность смягчить симптоматику невроза.

И, как обычно, невроты не ходят поодиночке...

Вообще, в чём заключается миссия психотерапевта? Не в лечении, как думают многие. Если уж психика дала трещину, то можно только замедлить или сгладить распад личности. Это в лучшем случае. Как правило, врачам остаётся только наблюдать, изучать, писать статьи, делиться опытом. Тяжкое зрелище... от которого зачастую свободны психотерапевты. Всё-таки психиатрия и психотерапия – это совершенно разные области. Такие, как Светлана, помогают психически здоровым (формально) людям самостоятельно найти дорожку к темным закоулкам собственной души и провести там генеральную уборку, при необходимости разгоняя затаившуюся по углам мелкую шуштуру.

2

Владислав Янковский был вполне успешным здоровым человеком. Он возглавлял небольшую фирму по производству эхолокационного оборудования. «Небольшую» в смысле числа работников и состава акционеров, разумеется. Откровенно говоря, фирма занимала большую часть рынка, а её совет директоров имел прямой выход на самого Верховного. Ещё откровеннее: Янковский заменил собой рынок. Возможные конкуренты были либо надежно рассажены по российским тюрьмам, либо не менее надежно уложены по российским же канavam. Что делать? Эти дельцы не могли не обворовывать собственную страну, даже накануне возможной войны. А Владислав происходил из старинного рода польских промышленников, и посему щепетильно относился к финансам: как своим, так и чужим. Он свято верил, что кроме него никто не способен организовать производство пьезокерамических элементов, и эта вера заставляла его фанатично вгрызаться в ВПК своей новой Родины.

Что же произошло с психикой этого польско-российского гусара? Светлана стала мысленно листать историю болезни. «Никаких записей о клиентах» – золотое правило психотерапевта, консультирующего российскую элиту. Память у Озёрской была отменная, закалённая в боях за международное признание. Ей не нужны были ни «дворцы воспоминаний», ни цепочки ассоциаций, ни мнемотехники. Она просто всё помнила.

Начало 2017-го года было отмечено массовыми забастовками рабочих всех мастей: от заводских тружеников до официантов и операторов call-центров. И что самое неприятное: волна докатилась и до России, парализовав несколько важных для ВПК отраслей. Поговаривали о том, что все эти акции протеста инспирированы извне. Обстановка накалялась. Масла в огонь подливали «проверенные источники», которые нестройным хором обвиняли власть в закулисной охоте на ведьм. И на этот раз никакого иносказания. В прямом смысле: администрация Верховного якобы заключила контракт с австрийским демонологом. Справедливости ради следует отметить, что ни демонолога, ни представителей администрации эти «проверенные источники» в глаза никогда не видели. Тем не менее, массовая истерия медленно, но верно набирала обороты.

Социально-политические страсти неминуемо находят отклик в страстях душевных. Особенно у тех, кто имеет прямое отношение к действующей власти. Примерно месяц назад у Владислава пропал сон. Он мог до рассвета лежать с закрытыми глазами и даже чувствовать себя отдохнувшим, но упорно не засыпал. Мозг словно отказывался ослаблять хватку рациональной активности. Потом появилась тревожность, которая стремительно переросла в беспричинный страх. Янковский боялся тёмных углов, старух, узких улиц и собак...

– Собака. Она опять пришла. Можно её погладить? – опять пробормотал он сквозь сон.

Странно. В его текущем состоянии Владислав близко бы не подошёл даже к таксе. Ему пришлось отправить своего терьера к родственникам в Польшу. Разлука далась тяжело, но ещё тяжелее было находиться в одной квартире с собакой, пусть и преданной. Один вид лохматого существа внушал бизнесмену суеверный ужас.

– Ну почему? – резко поднялся с кушетки Янковский, по щекам его текли слезы. – Почему меня не пускают...

Светлана склонила голову и, успокаивающе улыбаясь, жестом предложила клиенту пересесть на стул. Янковский охотно покинул кушетку и, пытаясь отдышаться, торопливо достал бумажник. На стол легли несколько сотен евро.

– Светлана Александровна, я не знаю, как Вам это удалось, но я всё вспомнил. Но ещё одного такого экскурса в прошлое, боюсь, я не выдержу. Лучше сидеть на таблетках, чем заново испытывать такую тоску.

Когда Озёрская тщательно подбирала слова, она издавала звук, похожий на смесь утробного кошачьего урчания и тибеткой мантры. Сейчас же психотерапевт напоминала небольших габаритов белорусский трактор. Янковский насторожился. Может, он что-то пропустил, и часть безумия должна передаваться лечащему врачу?

– Владислав, сейчас услышите и поймите меня правильно – медленно проговорила Озёрская, слегка подавшись вперёд и тут же отодвигаясь. – Тоска – это всего лишь одна из форм страха. То, что Ваши эмоции стали менять форму означает лишь одно: мы близки к их подлинному содержанию. У каждого страха есть свои корни, которые уводят нас в наше детство. Если Вы видели что-то из своего далекого прошлого, то я могу быть спокойной.

– Уж куда дальше. Мне было не больше четырех лет, когда я жил с дедом в деревне. Этот период я почти не помню. Но этот сон. Чёрт возьми, я же видел его однажды. Где-то месяц назад...

– Когда всё и началось?

– Да! Я вспомнил, вспомнил, – клиент спешил всё высказать, его взгляд блуждал, превращая интерьер кабинета в декорации памяти. – Мы жили на краю леса, на отдалении от остальных изб. Но каждый вечер к нам приходил пёс: большой, чёрный и лохматый. Довольно дружелюбный. Он гулял по двору, иногда просто сидел и смотрел в окно. Я очень хотел выйти и погладить его, ведь он так приветливо вилял хвостом... Но дед всегда мрачнел при появлении пса и запирали дверь на засов. Я просил впустить зверя, но дед лишь качал головой.

– Может, это был волк? Только чёрный. Приходил из леса...

– Нет. Он приходил со стороны деревни и к лесу даже не приближался.

– А уходил куда?

– Не могу сказать. Быстро темнело, и я шёл спать. Мне было очень грустно тогда... Всё. Не могу больше. Спасибо Вам огромное, Светлана Александровна! – Янковский встал и направился к выходу.

– Последний вопрос. К другим жителям он тоже приходил?

Владислав замер и втянул голову в плечи, словно контрабандист, которого резко окрикнули уже после перехода границы. Он стоял так около минуты, потом вернулся, сел обратно на стул, обхватив голову.

– Там не было других жителей... – тихо пробормотал он. – Вернее, я их не помню. Нет. Не так. Их точно не было. Я вижу брошенные дома, поросшие сорняком дворы, засыпанный колодец. Запустение и разруха. И оттуда, из этой покинутой всеми территории приходил ухоженный приветливый пёс, с лоснящейся великолепной шерстью.

– Приходил и просто приветливо смотрел в окно?

– Приветливо? Не знаю, возможно. Он был очень лохматый, я не видел его глаз, не видел выражения его... лица... морды... нет, всё-таки лица. Да что ж такое! У собак ведь морда?

– У собак – морда, – с самым серьёзным видом подтвердила Светлана Александровна. – А у каждого воспоминания раннего детства – лицо, или даже лик. Пожалуй, нет ничего страшнее близких воспоминаний.

– Безликий ужас, приветливо виляющий пушистым хвостом! – с каким-то мрачным торжеством изрёк Владислав.

- Почему же ужас? Вполне обычная собака, просто лохматая.
- Вот именно, что лохматая. Доктор, ну представьте себе гуляющую по траве лохматую псину. Неужели к шерсти ничего не прицепится? А этот пёс мог похвастаться идеальным состоянием своей чёрной шубы.

3

Улыбка Светланы стала ещё шире, глаза заблестели. Как всегда, она нашла и решение, и способ указать клиенту на это решение. Психотерапевт не всегда имеет права выдавать пациенту ни диагноза, ни причины его страхов, иначе невротик уйдёт в такую глухую оборону, что никакой гипноз не спасёт. А уж тем более специалист, использующий ряд методик из психоанализа! Фрейд даже называл повышенную честность в лечении не иначе, как вульгарным, варварским психоанализом.

Светлана Александровна Озёрская была кем угодно, но только не дилетантом и уж тем более не вульгарной особой. И теперь она шла от обратного, ведя своего клиента в стремительную и отчаянную атаку на бастионы памяти. Единственное чувство не давало ей покоя. Первый раз в жизни ей стало самой страшно открывать подвалы бессознательного. Что-то древнее и безымянное дремало там. Но отступать было нельзя.

– Вполне возможно, что Вы просто не разглядели репейников в собачьей шерсти. Или Вам просто было не до этого.

– Нет, я точно помню идеальную блестящую шерсть. И ещё такая тоска...

– Какая? Договаривайте! Вы же сами нашли нужное слово.

– Смертная тоска! – поднял тяжёлый взгляд Владислав.

– И вряд ли она связана с собакой. Тоска появляется, когда после вытеснения памяти не наступает замещения. Это не страх. Это именно тоска. Если маленький ребёнок видит большого мохнатого зверя, то страх просто не может возникнуть.

– Почему же?

– Очень просто! – Озёрская виновато улыбнулась, безмолвно извиняясь за предстоящую лекцию. – Все наши рефлексы формируются на протяжении жизни. Но есть безусловные рефлекс, которые даны нам с рождения. Безусловных у человека выявлено довольно немного. Например, здоровые маленькие дети, все без исключения, крайне положительно реагируют на две вещи: на еду и на пушистые объекты.

– Какие объекты? – не понял Янковский. Его психика была готова выкашивать всё, что хотя бы отдалённо могло напомнить о той собаке. Но терапевтическая атмосфера, с таким трудом созданная Светланой, сводила на нет практически любое сопротивление «заградительных отрядов» души.

– Пушистые. Это и плюшевые игрушки, и даже шерстяные вещи. Но особенно хорошо дети относятся к кошкам и лохматым собакам. Более того. Часто это взаимно. Сейчас я найду материалы.

Светлана «разбудила» миниатюрный малиновый нетбук и сделала несколько поисковых запросов. Клиент всё это время внимательно смотрел на зимний пейзаж за окном.

– Я Вас понимаю. Поэтому мне и было грустно, что дед не пускал меня поиграть с собакой. Конечно, он боялся за меня, это очевидно. Сейчас очевидно. Но тогда-то я этого не понимал и вряд ли мог понимать. Так почему же сейчас я стал бояться собак? И почему этот пёс вызывает во мне такой ужас?

– Что, и сейчас вызывает?

– Да. Кажется, что стоит подойти к окну, и я вновь увижу его там, на снегу. Дело-то зимой было.

– Так может, поэтому и не было народу-то? Зима, все разъехались... – Светлана ощущала явный азарт, подталкивая пациента встать лицом к лицу со своим подсознанием.

– Ну это же не дачный посёлок, а самая настоящая деревня. Я ведь и летом там был.

– Пёс приходил только зимой?

– Да, после больших снегопадов. Вот как сейчас... – Владислав встал и подошёл к окну, из которого открывался чудесный вид на заснеженные кусты и заметённые тропинки. Психологический центр Светланы располагался в центре небольшого ухоженного парка. – В деревне зима тянулась долго. Я и сейчас не особо верю, что февраль на дворе. Всё кажется, что только-только выпал первый снег.

– У Вас хорошее воображение. Как думаете, если бы сейчас собака и в самом деле сидела у окна, Вы бы вышли к ней? А я пока пойду и открою для Вас дверь... – с этими словами Светлана демонстративно поднялась из-за стола и пошла к выходу.

Секунда напряжённого молчания. Янковский что-то нарисовал перед мысленным взором и как ошпаренный отскочил от окна.

– Нет! Нет! Не открывай дверь. Не надо! – чтобы не упасть, он прислонился к стене, где был пойман врасплох психотерапевтом. Врач развернула нетбук экраном к пациенту и тот, как загнипнотизированный, стал смотреть на фотографии.

Материалы, которые искала Озёрская, оказались обычными снимками детей и собак. Вот две маленькие девочки уткнулись в густую шерсть сенбернара. Вот мальчик обнимает лохматого колли. Вот лабрадор охраняет сон ещё одного ребёнка... Полтора десятка фото – и пациент явно успокоился.

– Какая прелесть! – наконец сказал он.

– Вот. И собак Вы не боитесь. Никаких. И значит, не можете бояться и того лохматого визитёра. Ведь он ничем не отличается от остальных собак, не так ли?

На мониторе во весь экран развернулась последняя фотография: большой чёрный ньюфаундленд сидел на снегу и смотрел на окна хозяйского дома.

– Ничем. Хотя подождите! Не убирайте картину.

Светлана и не собиралась. Её пульс слегка участился, пока она наблюдала за реакцией пациента. Вот сейчас мозаика собирается воедино, последний осколок встаёт на место. Ещё чуть-чуть и...

– Вопрос! – Владислав был как никогда сосредоточен. Даже во время президентских приёмов его чувства не были так обострены. – Светлана Александровна, а у собак ведь колени назад сгибаются?

К этому вопросу психотерапевт была не совсем готова. Она посмотрела на передние лапы ньюфаундленда, по которым аккуратно провёл пальцем клиент. Житейский опыт почему-то мгновенно уступил место сравнительной анатомии, которую она благополучно сдала на втором курсе. Надо заметить, единственная на потоке, кому это удалось с первого раза. Поэтому о строении собачьего скелета она могла рассказать многое. «Digitigrada... Деление плотоядных, предложенное Кювье. Неточное, так как большинство плотоядных занимает промежуточное положение... Истинные digitigrada: собаки, кошки...»

Перевести бы ещё это с латыни на человеческий язык! Впрочем, «дурында ты старая» (так часто называла себя Озёрская), тебя ведь не о том спросили! Отвечай просто, по-житейски, без премудростей. И плевать, что это не совсем коленки.

– Да. Точнее нет. Это не колени вовсе.

– А что?! – удивился Янковский. Озёрская зажмурилась, проклиная собственную точность. Но пришлось объяснить.

– Это соединение голени и скакательного сустава. Забавное название, я понимаю, но посмотрите сами... – еще несколько поисковых запросов, и на экране возникла подробная схема костей задней собачьей лапы. – Коленный сустав гораздо выше, мы его редко видим.

Собаки касаются земли только пальцами, и вот этот вот изгиб (Озёрская постучала ногтем по монитору) люди обычно называют коленкой. Но с настоящими коленями там всё в порядке: сгибаются вперед, как и наши. Так что до кузнечиков и нам, и собакам явно далеко.

Последней фразой Светлана хотела разрядить обстановку, но свести лекцию по анатомии к шутке не получилось. По спине терапевта пробежал холодок. Озёрская внимательно наблюдала за клиентом, чьё лицо вдруг приобрело крайне отрешённое выражение.

– А вот у моей собаки, – с мечтательным ужасом произнёс пациент. – У моей собаки такого изгиба не было. И когда она гуляла по нашему дворику, и когда сидела и смотрела в окно.

– Как это не было?

– Да просто! Никаких этих ваших скакательных суставов, хождения на цыпочках. А обычные колени. Прямо как у нас. И ходила моя собака, опираясь на всю стопу. Прямо как мы. В кабинете повисла непроницаемая тишина.

4

Московский институт психоанализа

13 марта, 2017

Светлана заняла место у прохода, на предпоследнем ряду тесных кресел в небольшом душном зале. Самое существенное отличие московской школы психотерапии от питерской заключалось вовсе не в теоретических концепциях, а в подходе к организации массовых мероприятий. В Питере ни одну конференцию никогда никто не «пиарил». Специалисты узнавали о слёте по своим каналам и ехали только в том случае, если тематика была им близка. Такие тусовки неминуемо носили налёт элитарности, нисколько не мешающей мозговому штурму. Лучшие психотерапевты, гипнологи, аналитики, психиатры скидывались «по мелочи», арендуя огромный зал и люксы в загородном пансионе. Участвовали в таком интеллектуальном курорте около двух десятков человек (со всей страны!) – и это в лучшем случае. Зато итогом конференции становился толстый альманах поистине прорывных статей.

Полная противоположность – московские сборища. Навязчивая реклама, близкий к нулю организационный сбор, никакой толковой фильтрации докладов и ужасные условия. Вот и сейчас пыль от обивки кресел плотной завесой повисла под низким потолком, смешавшись с терпким запахом пота и чьим-то дешевым одеколоном. Со сцены плешивый очередной докладчик бодро рапортовал об успешном избавлении очередного клиента от фобии. Ни теоретического анализа, ни личных ощущений, ни попытки систематизировать накопленный материал – просто пересказ длинной череды бесед. Бесед, больше похожих на монологи клиента...

«Нет. Ни о каких собаках они у меня не услышат. Слишком жирно будет!» – решила Светлана, которая никогда к такого рода выступлениям специально не готовилась. Более того: она редко регистрировала свой доклад заранее. Озарение касательно того или иного аспекта терапии могло посетить её за пару минут перед выступлением. Повод мог быть любым: разговор с коллегой, брошенная кем-то с кафедры фраза, провокационный вопрос из зала... Сегодня дух причинности вселился в кривоватый баннер с названием мероприятия. «Удвоение объекта при массовой истерической фобии». Фрейдовщина сплошная.

И что она, психотерапевт высшей категории, забыла на встрече психоаналитиков? Ах да, визит вежливости. А удвоение объекта... что ж, будем им сейчас удвоение. И массовая истерия.

5

Психологический центр «Озеро»

8 февраля, 2017

– Здравствуйте! Мы на полтретьего.

Администратор бросила взгляд на монитор и приветливо улыбнулась женщине в деловом костюме, державшей за руку мальчика лет пяти. Если бы не ребенок и мягкий усталый голос, возраст посетительницы было бы трудно определить. Ухоженное лицо не выражало никаких эмоций, кроме вселенской заботы. Идеальную осанку и уверенную походку можно было списать как на крайнюю степень напряжения, так и на грациозную статью. И даже волосы не давали точного ответа: огненно-медную гриву рассекала пополам полоска седых прядей.

– Добрый день, Елена Дмитриевна. Проходите в кабинет. Доктор Вас уже ждёт.

«Озёрская С.А. Врач-психотерапевт высшей категории» – гласила табличка на двери.

– Дима, сынок, ты ничего не бойся. Тётя Света просто маму успокоит, и всё.

– А ты спросишь её про чучелку?

Женщина обречённо вздохнула и, ничего не ответив, толкнула тяжёлую дверь.

За столом сидела дама, в белом накрахмаленном халате, с причёской, как у Мирей Матье. Почему-то именно образ этой некогда популярной французской певицы вспомнился Елене Ерофеевой, одной из самых влиятельных и самых одиноких финансистов России.

– Добрый день. Располагайтесь! – голос врача был спокойным и тёплым. От психотерапевта исходило какое-то гипнотическое обаяние. «Наверное, так и должно быть» – подумала Ерофеева и села на один из стульев, расставленных в разных точках кабинета. Дима, обычно робко прижимающийся к матери в присутствии незнакомых людей, вдруг подошёл прямо к столу Озёрской.

– А Вы маму лечить будете или меня? – с некоторой мольбой в голосе спросил он, доверчиво глядя Светлане прямо в глаза.

– Ну... а если никого не придётся лечить? – она ласково улыбнулась.

– Так не бывает! – возразил мальчик. – Вы же доктор. Значит, должны кого-то лечить. Другие доктора меня лечили.

– Может быть, это были неправильные доктора? Просто расскажи пока немного о себе.

Мальчик явно успокоился и немного повеселел, когда понял, что эта доктор не будет стучать молоточком под коленкой, светить в глаз фонариком. А главное, не заставит искать лишнюю картинку. Диме никогда не нравились такие задания. Каждая из четырёх карточек как-то отличалась, и он всегда хотел рассказать врачам обо всех отличиях. Но те только печально качали головой и что-то записывали в блокнот. А тётя Света никуда ничего не записывала и не задавала глупых вопросов. Она просто слушала, как Дима, усевшись на кушетку и болтая ногами, рассказывает об игрушках, о книгах, о друзьях, о мороженом... И даже мама стала улыбаться, видя, что её дорогой мальчик снова такой же жизнерадостный и беззаботный, как раньше.

– Это прекрасно, что ты любишь читать! – Светлана Александровна искренне и с интересом слушала рассказ Димы о себе. – Какая твоя любимая книга?

– «Капитан Немо»! – не задумываясь выпалил Дима. – Я тоже хочу, чтобы у меня была подводная лодка...

– Нашёл старые книги на чердаки в бабушкином доме, – пояснила Елена. – Его теперь за уши не оттянешь от чтения! А «Жюльверна» (смешала она в одно слово имя и фамилию автора) может по нескольку раз перечитывать.

Каждый раз казалось, что ещё более довольной Светлану сделать трудно. Однако, чем дольше мальчик Дима рассказывал, тем сильнее были исходящие от доктора волны тепла и одобрения. При этом непосредственная, искренняя радость за чужого ребёнка проявлялась отнюдь не в профессиональной улыбке: она искрилась в глазах, отскакивала от мягко постукивающих по столу подушечек пальцев, едва-едва раздувала ноздри.

Непринужденная беседа длилась еще минут двадцать, и всё это время никто не вспомнил о причинах визита семьи к врачу-психотерапевту. Мальчик рассказывал о своих поездках на дачу, о рыбалке, о соседском задире, о том, как он любит собак... Светлана Александровна отрешенно слушала, словно растворяясь в рассказе юного пациента. Его реальность становилась её реальностью. Внимание парило над картинами из жизни Димы, не останавливаясь ни на одной из них, но и ничего не пропуская. Словно кто-то разбросал по полу детскую мозаику. Теперь Светлана могла перемещать эти кусочки воспоминаний. Это было трудно, ведь дети не владеют чувством времени. Вчерашний день для них может быть бесконечно далек, а события трехлетней давности переживаются так ярко, как если бы случились прямо сегодня после завтрака. Но это не беда, ведь ещё есть мама Дмитрия: несмотря на регулярные депрессивные эпизоды и ярко выраженную тревожность, она очень хорошо распоряжается собственным временем, тренирует память, ведёт записи. Это стало ясно уже на десятой минуте разговора. Так что она поможет.

Мозаика стала довольно быстро собираться. Книги, которые так любил мальчик, можно было объединить повторяющимися образами. Капитан Немо, живущий в подводной лодке; таинственная Владычица озера, лишь однажды поднимавшаяся из глубин, чтобы подарить Артуру экскалбур; циклоп, притаившийся в своей пещере; рыцарский замок, обнесённый широким рвом. Сокрытое, спрятанное в безопасности, далёкое и почти недостижимое.

– А тебе бы хотелось отправиться вместе с капитаном Немо в глубины океана? – внезапно вернулась к началу разговора Светлана.

– Конечно! – с радостью воскликнул мальчик. – Там очень здорово!

– Почему же?

– В подводной лодке никто меня не найдёт! – не задумываясь, ответил Дима.

– А кто тебя хочет найти?

Мальчик внезапно погрузился, опустил взгляд и что-то виновато пробормотал. Светлана вопросительно посмотрела на маму мальчика. Елена Ерофеева только развела руками.

– Светлана Александровна, поймите правильно. Он уже рассказывал об этом многим врачам. И они его чуть ли не кричали на меня, настаивая на госпитализации.

– Я понимаю... Понимаю, какие глупые у нас бывают врачи! – услышав это, Дима удивлённо поднял влажные от слёз глаза и уставился на психотерапевта. – Здесь, у меня в кабинете, никто никого никуда не отправляет. Я вот тоже хотела бы на недельку взять отпуск, залезть в подводную лодку и погрузиться поглубже ото всех проблем. Там меня не найдут ни генералы ФСБ, ни конкуренты, ни...

– Ни Колька с пятого этажа, ни чучелка! – подхватил мальчик.

– Чучелка?

6

– Да! Чёрная чучелка. Я от неё на подводной лодке уплыву, она меня не достанет!

– Она не умеет плавать? – спрашивать, что это за существо такое, Светлана не собиралась. Либо мальчик сейчас всё расскажет сам, забыв о страхе быть непонятым. Либо на это потребуется очень много времени.

– Конечно нет. Она даже из дома не выходит и людей боится. Живёт в своём тёмном углу!

– А тебя она тоже боится?

– Нет...

– Почему?

– Потому что это я её боюсь. Но она этого не знает. Я прячусь, когда она приходит.

– А когда она приходит?

– Когда я у бабушки живу. В городе её нет, здесь я её не боюсь. Но из-за неё меня хотели положить в больницу, и поэтому мне всё равно немного страшно. А ещё мне грустно, потому что мне нравится в большом доме, а чучелка там теперь поселилась и мне мешает спать!

– Как мешает?

– Она ночью приходит, и я залезаю под кровать. А там холодно! Она может до самого утра по комнате прыгать...

– Шумно прыгает?

– Очень шумно! И страшно.

– А бабушка слышала, как чучелка прыгает по комнате?

– Да!

– Да? И что она сделала? – немного помедлив, спросила Светлана.

– Она пришла и сказала, что это я сам прыгаю, – обиженно насупил маленький Дмитрий. – А чучелка сразу спряталась, потому что бабушка её не боится.

– После этого мы и решили обратиться к врачам! – вмешалась Елена Дмитриевна. – Мы были сильно обеспокоены. Раньше он ничего подобного не придумывал.

– И когда в первый раз пришла чучелка?

– Зимой! – уверенно сказал Дима.

– Да, это было в середине января! – тут же подтвердила Елена. – Моя маман как раз вернулась в Россию и все время проводила в особняке на Барвихе. У меня наметились, скажем так, некоторые проблемы, надо было ненадолго исчезнуть из страны. Вот я и решила ребёнка наконец-то познакомить с бабушкой.

«Прямо смена караула» – подумала Светлана. Розалию Львовну Альтберг (урожденную Ерофееву) она знала очень хорошо. Для бабушки Дмитрия выход на пенсию обернулся пиком политической карьеры в Германии. Как назло, под занавес прошлого года в ЕС разразился парламентский кризис. Вездесущая комиссия по этике шерстила всех, по привычке бросившись искать невидимую «руку Кремля». Разумеется, за неимением улик, за руку схватили не Кремль, а мирно проходившую мимо Розу Львовну, которой срочно пришлось бежать в Аргентину.

Но там она почему-то не задержалась, почти сразу прилетев обратно в Россию, замкнув долгий круг политической эмиграции длиной в жизнь.

Озёрская навещала свою знакомую в том самом особняке на Барвихе (дачей этот шедевр архитектуры назвать язык не поворачивался) и поэтому хорошо могла себе представить атмосферу дома. Госпожа Альтберг появлялась в России гораздо чаще, чем думали родственники. И загородную резиденцию использовала как раз для конфиденциальных встреч. Разумеется, Елене знать об этом не следовало.

– Главное, в городе у сына всё нормально! – вернул Озёрскую в реальность голос женщины. – Димочка молодец, даже темноты не боится, спит один, да и дома его можно на пару часов оставить. Но мне-то опять скоро уезжать, на этот раз надолго! В стране что-то непонятное творится. С кем оставить мальчика? Нанять гувернантку, конечно, можно, но я им не доверяю...

Монолог обеспокоенной бизнес-леди длился ещё минут двадцать. Конечно, картина была типичной для семейных клиентов Светланы. Она консультировала только «вип-персон»: предельно платежеспособных, с тяжелейшими травмами детства, лишенных (в силу напряженного графика и обилия конкурентов) даже надежды на простое человеческое счастье. И вроде всё было ясно, мозаика должна была вот-вот сложиться. Ребёнок лишен внимания матери, малознакомая бабушка не может компенсировать этот пробел, зимнее одиночество в дачном посёлке, книги вместо друзей-мальчишек, бурная фантазия... Но что-то же должно было послужить спусковым крючком? Когда зародился этот образ? Что это за чучелка такая?

– А ты не боишься, что чучелка придёт сюда? – осторожно спросила Светлана.

– Нет! – храбро ответил мальчик и пояснил. – Что ей здесь делать? Она живёт в своём тёмном углу, выходит оттуда ночью, бродит по комнате, прыгает иногда.

– А тебя она пытается найти?

– Нет. Наверное, нет. Зачем ей это?

– Я думала, что ты знаешь! – искренне удивилась врач. – Раз она к тебе приходит, значит ей что-то нужно? Может, ты боишься, что чучелка тебя съест.

Конечно, так давить на детские страхи было категорически нельзя. Но что-то подсказывало Светлане: это особенный случай. Страх мальчика перед чучелкой не имеет конкретных причин. Это и не страх в привычном смысле. Скорее, смесь раздражения и брезгливости. «Вот придёт баба-яга, украдёт и съест» – эти сказки не для него, он в них не поверит и даже если сам выдумает подобный сюжет, то не найдёт там повода бояться. Чутьё и в этот раз не обмануло психотерапевта.

– Я же говорю, – с достойным взрослого терпением пояснил Дмитрий. – Чучелка вылезит из своего тёмного угла, бродит по комнате и прыгает. Всё. Она просто страшная... Да. Вот так. Я её боюсь, потому что она страшная!

– Поэтому ты прячешься под кровать...

– Поэтому я просто лежу под кроватью! – возразил мальчик. – Это не прятки.

– То есть, Дмитрий, ты хочешь сказать, что тебе всё равно: заметит она тебя или не заметит? Просто на неё неприятно смотреть?

– Да! – энергично закивал Дима. – Просто она страшная, и я её боюсь. А зачем она приходит, я не знаю. Она непонятная и поэтому страшная.

Вот дела! Уже ни в какие рамки такой ответ не вписывался. Дети в таком возрасте обычно очень детально прописывают свои страхи. У их фантазий есть своя внутренняя логика, свои законы. Пусть на первый взгляд это незаметно, и страх перед «злым дядей» совершенно иррационален. Но стоит только спросить ребёнка, и он выдаст целый свод правил, которым подчиняется его страх. Иначе и быть не может: психика знает всё о природе своих фобий, она сама же их создала и поэтому вынуждена контролировать. Родители могли бы гораздо лучше понимать своих детей, если бы за каждым «глупым» страхом видели мощный психический труд.

А здесь?! Чучелка в рассказах мальчика ведёт себя как самостоятельное существо, наделенное какими-то скрытыми мотивами. Скрытыми не только от нас, но и от юного пациента. Либо его фантазия настолько сильна, но тогда темноты он боялся бы гораздо больше и давно бы населил свою реальность множеством опасных образов. Либо какая-то область фантазирования отправилась в долгое путешествие, оторвалась от основной личности. Второй вариант был весьма нежелателен, ибо наводил на мысли о внутреннем психическом расстройстве. Чтобы отсечь самое худшее, Озёрская решила обратиться к истории болезни.

– А можно взглянуть на Ваши карточки?

– Конечно-конечно, я всё, что можно, оставила у себя. Не хочу, чтобы они копались в голове моего сына! – Елена достала из сумочки пару тонких книжечек.

На одной красовалась жёлтый «икс» в чёрном ромбе.

– Это что-то новое... – присмотрелась Светлана и ахнула. – Ховринская больница?! Когда её успели достроить?

– Ещё только собираются! – фыркнула Елена. – Она существует только на бумаге, как государственная клиника самого современного уровня. И к ней приписывают психиатров из всех московских больниц и диспансеров. Оптимизация!

– И кто же у нас тут ставит диагнозы направо и налево? – Озёрская увидела знакомую размашистую подпись. – Ну конечно! Смирнов, старый ты шарлатан. Такой же «настоящий» психиатр, как и твоя фамилия.

– А мне Ерванд Оганезович показался очень грамотным врачом. Столько тестов провёл: и для Алёши, и для меня!

– Я даже не сомневалась! – горько усмехнулась Озёрская. – Тесты – это его основной и единственный метод. Больше ничего он не умеет. Знаете, коллег я никогда не стала бы обсуждать, но он мне не коллега. Смирнов никакой не врач.

– А кто?! – округлила глаза Елена.

– Будете смеяться. Театральный режиссёр. Кто его устроил на пост замглавы департамента, я могу только с ужасом догадываться. Даже у меня нет столь мощных связей. Впрочем, не в связях счастье. Мне было важно взглянуть на результаты тестов.

– Тесты ничего не показали: так сказал врач. Но всё равно прописал какие-то таблетки.

– На таблетки здоровье не тратьте. Никаких патологий у вас нет, это и без тестов понятно было. Я просто хотела проверить. Дмитрий, ты любишь рисовать? – мальчик кивнул. – Вот тебе альбом, карандаши, садись за тот столик и нарисуй свою комнату в бабушкином доме, – дождавшись, когда ребёнок начнёт увлеченно перебирать карандаши и наносить первые штрихи, Светлана повернулась к Елене. – У Димы хорошее воображение и нестандартное мышление. Это безусловно радует. Вам следует больше времени проводить с ребёнком, как бы банально это ни звучало.

– Да, я знаю. Но бизнес. Да ещё эти бесконечные забастовки, протесты... Все помешались на этих лисьих хвостах. Семье даже стали поступать угрозы из-за дружбы с партией. Мне страшно. Никаких мужей в запасе у меня нет. Кинулась к знакомым из администрации. И знаете что? В Кремле говорят, что скоро какой-то там демонолог все разрулит. Нет, Вы представляете... демонолог... Это уже через край.

– Понимаю... Скажите, пожалуйста, а Дмитрий часто болеет?

– Почти никогда. Последний раз два года назад подхватил в кружке по рисованию грипп.

– Астма, аллергии?

– Нет.

– Кожные заболевания?

– Ни разу. А что такое?

– Нет-нет, всё хорошо.

– И всё же?

– Леночка, я знакома с Вашим семейством уже давно и знаю Ваш потомственный интерес к медицине. Почти вся Ваша родня имеет медицинское и даже психологическое образование...

– И ни один из нашего клана не работает по специальности. Финансы, политические технологии, масс-медиа! – гордо вскинула голову леди. Клан Ерофеевых действительно пронзал российскую действительность ярко-красой нитью. – Что не мешает мне читать кое-что по офтальмологии, загораю на лазурном берегу.

– А психосоматикой Вы никогда не интересовались?

– Нет. Я просто всегда невольно начинаю искать болезни у себя. А проверить ясность зрения гораздо легче, чем убедиться, что все шарики и ролики на месте. Так к чему Вы ведёте?

– К тому, что у каждой детской болезни есть своя функция. Это не просто слабость молодого организма. Порой ребёнок, которого обделили вниманием, болеет, чтобы исправить ситуацию. Его окружают заботой, о нём говорят, с ним общаются – это мощная мотивация. Здесь этого нет. И я подумала, что...

– Что собственный страх он придумал? – закончила мысль Елена.

– Именно. Но...

– Я нарисовал! – мальчик подошёл и протянул Озёрской свой рисунок.

7

Светлана положила рисунок перед собой и обхватила голову руками. Бессознательное мальчика говорило с ней. Внешний мир заволочло туманом. Её взгляд парил над изображе-

нием, словно ястреб, отрешённо созерцающий долину. Хищные птицы не ищут добычу. Они просто летят куда-то: величественно и бесцельно. Но стоит только чему-то внизу начать движение, птица без лишних раздумий выходит в пике. Всё ниже-ниже, туманный образ обретает очертания, он уже рядом...

– Есть! – громкий шёпот, от которого замерли мать и сын. – Покажи угол, из которого выходит она.

Мальчик молча указал на тёмное пятно по правому краю бумаги.

– А что здесь? – Светлана прошлась взглядом по серым квадратам чуть левее.

– Шкаф.

– А почему он серый?

– А он скучный.

– Оттуда чучелка тоже выходила?

– Нет. Вернее выходила, но позднее. И это была другая, грязная.

– Их было две? И обе прыгали по комнате? – ястреб схватил добычу.

– Нет. Она всегда одна, чёрная. Вылезит из своего угла и хулиганит. Последний раз достала из шкафа вторую чучелку и стала с ней по комнате скакать.

– Вторую ты тоже боишься?

– Нет! Чего её бояться? Она неживая.

– Шкаф... Ну как же я сразу не поняла! – всплеснула руками Елена. – У нас в огороде стояло пугало. Мы его вместе с Алёшей шили еще летом, когда вдвоём жили на даче. Потом стало сыро, холодно, и я решила его убрать. Положила в этот шкаф (там целый склад старых игрушек), но Диме сказать забыла. Сынок, ты открывал шкаф?

– Нет. Он скучный, там ничего нет интересного.

– Дима, скажи честно.

– Я правда не смотрел туда! Там скучно! – настаивал мальчик.

– Вы полагаете, что страх возник из-за этого пугала? – вмешалась Света.

– Да.

– Дмитрий, а тебе было обидно, когда мама убрала пугало?

Мальчик промолчал, но погрузился.

– Ты бы хотел, чтобы мама приезжала чаще и Вы вместе мастерили чучелку?

– Да! – Дмитрий просиял.

Вытеснение. Сын очень привязан к матери. Но, будучи не по годам развитым, он понимает, что у неё дела. И психика вытесняет желание постоянно быть рядом с матерью. В итоге на бессознательном уровне рождается тревога, которая ищет объект. И когда Елена убирает с огорода пугало, в которое было вложено столько совместных усилий, тревога «вселяется» в это пугало – так появляется фантазия о чучелке. «Вот и всё ясно!» – хотелось сказать Светлане. Но вместо мышки-полевки ястреб схватил что-то эфемерное, оказавшееся влекомой ветром газетой.

– Не то... что-то не то... Дмитрий, ты любишь паззлы?

– Конечно!

– Давай сейчас сделаем такой? – Светлана достала ножницы и протянула мальчику. – Можешь разрезать свою картинку и собрать?

Дима стал радостно и старательно кромать рисунок на примерно равные полоски. Конечно, он соберет всё без труда. В этом Озёрская даже не сомневалась. Важно, что он без особых колебаний прошёлся ножницами и по шкафу, и по тёмному углу, оставив нетронутой только кровать – место своего невольного спасения.

Начался увлекательный процесс восстановления рисунка. Шкаф был собран относительно быстро, а вот угол никак не желал обретать прежних очертаний. Кусочки перемешивались, не стыковались, терялись... Наконец, Светлана решила помочь мальчику и через пять

минут была потрясена до глубины души: из хаоса жирных чёрных линий на неё смотрело чьё-то «лицо», если можно было так назвать этот гротескный образ.

– Ты ведь не открывал шкафа? – осторожно спросила Озёрская.

– Конечно нет! Я уже говорил.

– А когда мама убрала туда пугало?

– Когда приезжала в последний раз!

– Когда это было?

– Когда она решила меня забрать, потому что я боялся чучелки.

– Стоп. Стоп. То есть чучелка появилась раньше?

Озёрская вопросительно посмотрела на Елену. Мама мальчика стала торопливо листать ежедневник.

– Не может быть. Вот, пятнадцатое января. Возвращается маман. Дима знакомится с бабушкой, она позволяет нам пожить в особняке еще какое-то время. Двадцать первое число. Поступают угрозы. Я за неделю успеваю слетать в пару спасительных командировок. На следующих выходных звонит маман и сообщает, что Дмитрий шумит по ночам и рассказывает про чучелку. Я забываю про безопасность, несусь сюда. Начинается гонка по врачам. Четвертое февраля. Вроде улучшение. В ту ночь я тихонько ходила проверять, как спит Дима. Всё было нормально. Уехали мы в понедельник, шестого февраля, то есть позавчера...

– А когда же Вы всё-таки убрали чучелку?

– В начале зимы... – опять зашелестели страницы органайзера. – Вот, в декабре я поехала... планировала... Не сложилось. Январь... да что же такое! Время. Время опять утекает сквозь пальцы.

– Итак? – Светлана внимательно изучала, как меняется выражение лица бизнес-леди. Несчастливая выглядела не просто потерянной. Как будто в деловом ежедневнике могло быть что-то про чучелку. У Елены словно отобрали спасательный круг самообмана, заставив тонуть в океане гротескных образов и сумрачных откровений.

– До нового года мы ни разу не были в доме! – вмешался мальчик. – Летали отдыхать. А вторую чучелку мама только позавчера убрала в шкаф, потому что она шумела!

– Позавчера? Похоже, с рациональным объяснением придётся расстаться? – подняла бровь психотерапевт. – Убранное в шкаф пугало было не причиной, а следствием страха. И страх этот принадлежит не только Вашему сыну. Что Вы услышали в ту ночь, которую провели на даче? Или увидели?

– Ничего я не слышала! – взвилась Елена. – Спасибо, Светлана Александровна. Мне всё ясно. Самое главное, что ребёнок здоров. Мы уходим.

– Но маааам...

– Никаких «мам»! – Елена подхватила сумочку, открыла дверь и ошарашенно отступила на шаг назад. – Ой...

– Ну как это «никаких мам»? Мам много не бывает!

В дверях стояла пожилая дама, изысканно одетая и державшая себя с небывалом достоинством. Лицо её напоминало старинную маску, но в глазах искрилась гремучая смесь из неугаваемой воли к жизни и тревоги за своих родных.

– Бабушка! – радостно закричал Дима и бросился обнимать женщину.

– Розалия Львовна! – Светлана была не менее удивлена внезапным визитом своей старой знакомой. – Вы ко мне или приехали поддержать дочь и внука?

– Светочка! Конечно, к Вам. Это безумие какое-то! Отпустите скорее моих несчастных потомков! С Димой всё в порядке. И умоляю, налейте мне Вашего фирменного чая с виски. Дело срочное!

– Мама, а как же?

– Лена! Ты сама сказала: «никаких мам». Ваше время вышло. Подождите меня на улице.

Когда дверь за мальчиком и мамой закрылась, Розалия Львовна обессилено опустилась в кресло и щедро пригубила не в меру крепкого чая.

– Думала, не доеду! Всю ночь не спала.

– А что случилось? Бессонница? Переживаете из-за внука?

– Да какая там бессонница?! Просто это проклятое существо, эта мерзкая чучелка, опять прыгала по комнате Димы. До самого рассвета. Рылась в шкафу и противно хихикала!

Светлана минуту пыталась переварить услышанное. А потом пошла к буфету. Ей тоже вдруг срочно понадобилась чашечка чая с виски.

8

Московский институт психоанализа

13 марта, 2017

Из уважения коллеги дослушали доклад Озёрской, но по мере её выступления в зале нарастал недовольный шёпот. Некоторым особо ортодоксальным слушателям откровенно не сиделось на месте. Ещё немного – и они протёрли бы в старой обивке несколько здоровенных дыр.

«Вот дурында! Забыла, что пришла не к терапевтическим друзьям, а к страдающим снобизмом аналитикам! Хотя сколько здесь настоящих спецов – ещё большой вопрос». Озёрская была недалеко от истины. Чтобы стать настоящим психоаналитиком, необходимо не только постоянно совершенствоваться, но и самом ложиться на кушетку. А прохождение личного тренингового анализа – дело, сопряжённое с болезненными ударами как по кошельку, так и по собственному нарцисстическому эго. И если ты однажды пощадишь собственный нарциссизм, то сам нарциссизм не будет щадить никого.

И вот сейчас господа нарциссы набросятся на её методику, браня за излишнее сочувствие. Конечно, аналитики могут рассказать много интересного о принципе нейтральности. Но на деле многие из них просто прячутся от чужих и своих эмоций за этим теоретическим щитом. Однако были в этом зале и те, кто выходил навстречу бессознательному с открытым забралом. Зал притих, когда со своего места неторопливо поднялся глава Европейского общества психоанализа. К нему Светлана, как и все присутствующие, относилась с глубочайшим уважением. Тем весомее было его первое и последнее замечание.

– Докладчик очень грамотно описала удвоение объекта страха: чучелка распалась на «живую» и «неживую». Что из этого следует? То, что чучелка реальна? Может быть. Но давай не колебать столпы реальности без нужды. Вполне возможно, что это просто истерическая идентификация. Очевидно, что образ чучелки настолько вдохновил докладчика, что она сама заразилась страхом. И бабушка, и мать юного пациента, и терапевт – все стали жертвами массовой фобии. Я не буду развивать здесь линию обратного Эдипа и борьбы всех трех женщин за мальчика. Но советую докладчику лучше проанализировать собственные эмоции по отношению ко всем участникам терапии.

Озёрская не нашлась, что ответить на это. Она на самом деле не успела усмирить эмпатию, и страх неведомой чучелки нашёл дорожку к её психике. Ведь Светлана своими руками собрала из клочков бумаги ту страшную физиономию! Дальнейшая дискуссия была бессмысленной. Светлана покинула сцену, ограничившись выражением благодарности за ценные методические замечания.

Пусть этот небольшой провал станет ей уроком за недостаточный профессионализм. Как будто его когда-то бывает достаточно!

К счастью, после Озёрской никто выступать не вызвался. Врач не могла больше вынести удушающей атмосферы зала. Озарение душило её, то выбрасывая в сферу непознанного, то размазывая о бетонную стену науки. Страх. Чучелка. Тоска. Раздвоение. Кем стала вто-

рая чучелка? Кого зашифровала психика мальчика в этом страхе? Или все эти тёмные образы исходили не от Димы и даже не от его бабушки?

Психологический центр «Озеро»

8 февраля, 2017

– Сколько пустовала Ваша дача?

– Почти всю осень и половину зимы.

– С октября, значит. Вы тогда просили меня уничтожить кое-какие бумаги из Вашего секретера.

Альтберг кивнула в ответ и пригубила чайный коктейль.

Озёрская хорошо помнила свой осенний визит на дачу. Атмосфера пустого особняка крепко въелась в полы белоснежного халата. Уже тогда в доме начал вить гнездо безымянный страх.

– Чучелка появилась вскоре после Вашего возвращения из Аргентины?

– Да.

– Первым её увидел Дима?

– Да. И я долго не верила, пока однажды ночью не засиделась над документами допоздна.

– Как выглядит чучелка?

– Не знаю. Я только слышала, как она прыгает на первом этаже дома.

Светлане очень хотелось верить, что чучелка была лишь выдумкой, слишком красочной страшилкой, которую вызвали к жизни просто так, со скуки или как лекарство от одиночества. Пожилые люди, как и дети, особо уязвимы. Они жаждут общения. И общий страх был бы идеальным поводом для воссоединения семейства.

Но что-то здесь явно не клеилось. Если бы для Розалии Львовны этот тёмный образ чучелки был способом общаться с родными, то она пришла бы на приём первой. И вообще бы растроубила о своих страхах всем и каждому. Но пожилая дама молчала до последнего! Тревогу забил мальчик, да и то – чучелка не внушала ему страха, а лишь доставляла определенные неудобства. Кроме того, за здоровье Димы и его мамы Озёрская могла быть спокойной. Наверное.

– А как Елена Дмитриевна отреагировала на появление существа?

– Лена? Да она как будто ничего не замечала. Только вдруг стала учиться рисовать. Притащила в столовую мольберт, краски и все выходные водила кисточкой по холсту, как заправский портовый художник.

– Может, парковый?

– Может.

Светлана не стала обращать внимание на очевидную ассоциацию, которая соединяла порт и представительниц немного другой профессии, не имеющей с изобразительным искусством почти ничего общего. Можно было подумать, что в самом факте внезапной художественной активности фрау Альтберг видела свой триумф. Или же ей было просто приятно, что всё семейство заразилось страхом.

Получалось так. Роза Львовна придумала чучелку и напугала внука (с богатой фантазией!) до того, что он стал искать спасения под кроватью. Потом страх заразил Лену, без того тревожную и взвинченную до предела новым переделом сфер влияния. Наконец, Альтберг пришла и эмоциональной историей о чучелке сейчас пытается испугать и саму Светлану Александровну.

Впрочем, Розалия Львовна сейчас не была похожа на триумфатора. Её попытка воссоединиться с родными потерпела фиаско, Светлана избавила Диму от последних остатков страха. Елена усмирила тревогу с помощью рисования. И всё же: чучелка никуда не делась! Похоже, образ приобрел над своей создательницей определенную власть. И как показало время, мягкий деспотизм невроза быстро перерос в психопатическую тиранию.

Психологический центр «Озеро»

13 марта, 2017

Утро. За несколько часов до начала конференции

– Мне это надоело! Я решила устроить засаду этому существу! – с этих слов начала свой последний визит к психотерапевту Альтберг. – И почти поймала с поличным!

– И что же Вам помешало? – спросила Светлана.

Вместо ответа Розалия Львовна засучила рукав, и терапевт увидела покрытые ссадинами и синяками руки.

– Эта гадость оказалась на редкость ловкой. И злобной. Не зря Дима от неё прятался... Ну что Вы молчите, Света? Я понимаю, как всё это выглядит со стороны. Я сама насмотрелась на психов и наркоманов из самых разных уголков планеты. Устройте меня куда-нибудь полечиться и отдохнуть от всего. Дом я продала одной хорошей девушке. Всеми делами давно занимается мой личный секретарь. Я вот только за внука боюсь. А то Лена что-то последнее время... Ох. Что-то мне нехорошо.

Скорая доставила пожилую даму с обширным инфарктом в одну из лучших частных клиник Москвы. Её физические и душевные силы были исчерпаны борьбой с собственной иллюзией. Впрочем, иллюзией ли? Во всяком случае, период восстановления обещал быть долгим. Хотя бы потому, что ни о каком личном секретаре Светлана никогда не слышала.

Московский институт психоанализа

13 марта, 2017

Вечер. Спустя несколько минут после окончания конференции

Ожил мобильник. Какое совпадение!

– Здравствуйте, Роза Львовна – устало произнесла Света.

– Светочка! – голос никогда не выдавал владелицу. Тревога скользила где-то за кадром, шла едва различимым фоном. – Ты сейчас свободна?

– Более-менее. Как Вы там, Роза Львовна?

– Не жалуюсь. Здесь хорошие условия. Но не обо мне сейчас речь. Будешь смеяться, но я начинаю верить в родовые проклятия. У внучатой племянницы беда. Можешь к ней срочно приехать? Там какой-то ад творится.

– В каком смысле?

– Почти в таком же, в каком у меня. У Лизы снимала комнату подруга. Всё вроде было хорошо. Но потом квартирантка выпила лишнего или я уж не знаю, что молодёжь там нюхает, но... в общем, девчата стали хором с ума ехать. Первой съехала подруга Лизы.

– В каком смысле? – от усталости у Светланы немного заело пластинку.

– Сначала в переносном. Всё ей нечисть какая-то мерещилась, книжки падали, голоса раздавались. А потом в прямом. Сбежала квартирантка. И Лизавета осталась в квартире одна, и понеслось. Я не знаю деталей, всё со слов её матери рассказываю. Сама понимаешь, никакой огласки я не могу допустить, поэтому звоню лично тебе. Вполне допускаю, что девочки просто баловались с химией. Но вдруг?

– Ох. Диктуйте адрес, Роза Львовна... Далековато. Нет, нет. Я понимаю, что это срочно. Да... Я что-нибудь придумаю. Больше ничего не случилось?

– Не знаю. Похоже, что случилось. Не хотела тебе говорить. Но с Леной давно что-то не так. Она последний месяц рисует без остановки. И бормочет что-то про чучелку. А недавно придумала себе ложную беременность. И стала бегать по врачам с требованием сделать аборт.

– Почему же Вы только сейчас об этом сказали?

– А ты думаешь, это так просто? Да и я понадеялась, что встреча с тобой как-то повлияет на Лену. Это же моя идея была – их к тебе направить.

– Роза Львовна, ну как же так?..

– Вот так, Света. Все это невозможно выносить. Жаль, что я передала особняк новому владельцу только сейчас. Боюсь, уже ничего не исправить. Дима пропал. А Лена совсем тормоза потеряла...

– Как?!

– Никак. Это я придумала. Забыли. Мне надо подлечиться.

Гудки. Озёрская задумалась. Слишком острым было чувство вины за то, что позволила пожилой даме довести себя до крайности. Можно было только гадать, что происходит с разумом фрау Альтберг, а гадалкой Светлана не была. Поэтому решила сосредоточиться на новой задаче: доехать неизвестно куда, неизвестно зачем, неизвестно надолго ли. А главное, неизвестно на чём? Лучшая психотерапевт России никогда не умела водить, а найм личного шофера считала чем-то вроде содержания экзотических животных в неволе. Придётся вызывать такси.

– Светлана! Ну надо же! И ты на этом празднике полусмерти? – раздался знакомый вкрадчивый тенор за спиной. – Подвезти?

Посылка ищет адресата

А это зок Медов взял посылочный ящик, накрылся им и, расхаживая туда-сюда, стал бормотать:

– К вам посылочка пришла... к вам посылочка пришла...

Тюхтяевы. Зоки и Бада

– Посылка пришла!

Ирина обернулась. Не показалась. Нелепая сутулая фигура отделилась от стены дома и начала медленно приближаться.

– Посылка.

1

Жилой комплекс «Тихие холмы»

Ночь с 12 на 13 марта, 2017

Закон подлости. Решил удрать с корпоратива пораньше – обязательно задержишься допоздна. Поняв, что своей подруги и временной соседки уже не дождаться, Ирина поехала домой одна. Сарочке-то что? Пусть развлекается от души, невинное развратное создание. Эта милейшая овечка спала со всеми подряд вовсе не из корыстных интересов. Скорее, это была её манера общения. Ни деньги, ни карьера Сарочке, по сути, не были нужны: эта штучка недавно вернулась из аргентинской общины сефардов с богатым наследством. Оттуда же она привезла увлечение оккультизмом, алкоголизмом и пофигизмом. Последним в особенности. Властная родня по материнской линии устроила Соколову в банк исключительно для того, чтобы девочка окончательно не слетела с катушек и не спилась. Сама Сарочка решила своей родне помочь и устроила сама себя еще в архитектурный.

Ирина Юрьевна Храброва не могла похвастаться свалившимся с небес родительским капиталом – единственным наследником был старший брат. Поэтому свою постельную стратегию прорабатывала с филигранной точностью. Да и время – существо коварное. Пусть сейчас она и выглядит на десять лет моложе, и тридцати ей никто не даст. Но кто знает? Завтра привлекательность может покинуть телесную обитель.

Свою карьерную войну Ира уже выиграла, пусть и с тяжёлыми потерями. Вопрос о её избрании в совет директоров был решён. Конкуренстки сброшены за борт. До победного финала оставался шаг. Завтра состоится собрание акционеров. И не похоже, что жизнь подставит ей подножку в виде возмездия за грехи.

– Посылка пришла!

Или подставит?

У «почты России» всегда были проблемы с чувством времени, но не до такой же степени! Разве может почтальон торчать до полуночи у подъезда, чтобы вручить бандероль? Скорее, так станет действовать безнадёжный наркоман. А именно на наркомана был похож этот субъект, выползший на свет фонаря. Долговязый, бледный, с пустым бессмысленным взглядом, он сжимал в руках потрёпанную картонную коробку, обмотанную скотчем. И как только его пропустили на территорию комплекса? Вот и верь после этого в сказки об элитном жилье.

– Посылка пришла! – разлепил почтальон тонкие синюшные губы. Голос, мерзкий и скрипучий, шёл откуда-то глубоко изнутри этого человека. Человека ли?

Девушка резким движением выдрала из недр сумки клубок из наушников, ключей, мелких мятных леденцов и стилуса. С последним возникли проблемы. Брендовый кусок пластика за две сотни долларов шел в комплекте с металлизированным шелковым шнурочком, кото-

рый по прочности не уступал капроновой нитке. От резкого движения аксессуар и не подумал рваться. Как раз наоборот: шнурок исправно натянулся и потащил за собой айфон. Через мгновение гаджет уже валялся на асфальте.

Наплевать! Лишь бы быстро открыть дверь!

Рядом с телефоном приземлились и наушники, и леденцы.

Кое-как попав магнитным ключом по металлическому кружку, девушка поспешно скрылась в подъезде. Только переведя дух, она поняла, что по железной двери кто-то наносит редкие глухие удары. «Головой он, что ли, бьётся?» – подумала Ирина. И тут же её разум был оккупирован образом беглого психа, сжимающего в руках наполненную потрохами коробку и разбивающему свой лоб о дверь подъезда. Образ был столь ярким, что на ожидание лифта было решено не размениваться.

Несостоявшаяся получательница бегом поднялась к себе и закрылась на все замки. Стоило ей облегченно вздохнуть, как тишину и мрак прихожей прорезал звонок домофона, угрожающий и тревожный. Девушка по привычке схватила трубку и тут же бросила обратно на рычаг.

– Посылка пришла! – успела расслышать она знакомую мантру, звучащую теперь торжественно и глумливо.

Почтальон знает номер её квартиры! Выходит, какая-то посылка у него всё-таки есть, но разве в таких случаях не принято... Нет-нет-нет, это какая-то глупость. Этот тип ждал её целый день! И знал номер квартиры! Но почему он не представился? Не хотел? Или не мог? Может, это вообще единственная фраза в его лексиконе.

– Посылка, посылка... – сердито пробурчала девушка и пошла на кухню сделать себе кофе, бодрящий чёрный кофе.

Домофон звонил.

Бодрящий кофе в час ночи.

Домофон звонил.

Ирину колотило. Она не могла понять, что нужно этому почтальону. Кто он? Что он? Какого чёрта происходит? Реальность определенно сошла с ума.

Домофон звонил.

Последние несколько месяцев и так отняли много душевных сил. А тут еще этот... кадавр. Вот бы кто-нибудь помог ей расставить всё по своим местам!

Домофон звонил.

Храброва прилегла на диван и прикрыла глаза, позволяя миру стремительно закружиться и унести её подальше от смутной тревоги, от всех накопившихся проблем.

Домофон смолк.

2

Жилой комплекс «Тихие холмы»

13 марта, 2017

Мгновения тишины безвозвратно растворялись в вечности предрассветного сна. Трезвон стих только для того, чтобы возобновиться с новой силой и уже никогда не прекращаться. Что, опять посылка? Нет, кажется, нет. На этот раз всего лишь будильник... Ирина потянулась. После сна на диване всё тело ломило. На столике рядом стояла чашка с недопитым кофе.

Она на всякий случай прислушалась. В квартире было тихо. Ничто не напоминало об очередном ночном визите странного почтальона.

Ира выбралась из кухни и засобиралась на собрание акционеров. Потратив всего лишь полчаса на внешний вид и комплектацию сумочки, девушка вышла в подъезд. Да. Несмотря на

свои похождения она чувствовала именно девушкой. Какой-то внутренний голос настоятельно не советовал относиться к себе именно как к женщине.

Был ли это инфантилизм, нарциссизм, оптимизм или заимствованный у Сарочки пофигизм – неважно. В самом деле! Воли к жизни Ире было не занимать. А возраст зависит от того, насколько сильно мы нагружаем наше прошлое. Если не придавать значения мелким неурядицам и проблемам, то кривая времени будет иметь вид гладкий и привлекательный. Никто и не заметит подвоха. Привычка сглаживать кривую своей биографии помогла Ире играючи выкинуть из головы события прошлой ночи.

Девушка пробкой от игристого шампанского вылетела на улицу. Какое удовольствие, когда можешь просто так постоять, зажмурившись от нежного весеннего солнца. Тук-тук. Птицы, не дожидаясь нормального потепления, сходили с ума, ветер гонял по асфальту выбравшийся из-под снежного покрова мусор. Стук-постук. Как же всё-таки хорошо, что кошмар отступил! А может, ей просто всё приснилось? Тук-тук. Тук-тук-тук. Что это за звуки, кстати?

Неохотно открыв глаза, девушка огляделась. На лавочке сидел мужчина в чёрном поношенном костюме и ручкой небольшого зонтика стучал по деревянной спинке. Это был странный ритм. Стук то замедлялся, то становился очень частым. Было ясно, что стучит мужчина в такт какой-то песне. Он, похоже, её и напевал, глядя на небо. Его поза была расслабленной, даже немного расхлябанной. Только рука напряженно сжимала зонтик, словно он боялся не попасть в ритм.

Неожиданно стук прекратился. Любитель маршей подобрался, словно перед прыжком и внимательно посмотрел на Иру. Взгляд тёмных глаз был одновременно и злобным, и осуждающим, и презрительным, и успокаивающим. Но что-то здесь было неправильным. Может быть то, что зрачки мужчины постепенно расширялись, заполняя сперва не только всю радужку, но и всё глазное пространство. Он моргнул. Показалось! Всего лишь последствия ночных неурядиц.

– Ваше? – зонтик чуть-чуть повернулся, указывая на лежащий под дверью айфон.

– Мое! – обрадовалась Ира и подхватила с бетонной дорожки драгоценный агрегат вместе с наушниками. Леденцы, по понятной причине, она трогать не стала. – А... А откуда Вы знаете, что мое?

– Даже случайно брошенный без присмотра телефон может спасти чью-то жизнь, сударыня! – промурлыкал шпик (так окрестила его про себя Ира), пожал плечами и устало закатил глаза, всем видом выражая ну очень уважительное отношение лично к Ирине и к таким, как она. Потянувшись и немного повыделовавшись (сейчас он напоминал хорошо откормленного наглого чёрного кота), обладатель зонтика, старого костюма и дорогих замшевых ботинок продолжил изучать облака.

Заторопившись к охраняемой парковке, Ирина устремилась вглубь прилегающего к дому небольшого сквера. По привычке оглянувшись, девушка заметила, что шпик провожает её взглядом. И опять – этот замысловатый жест из оперы «я ни при чём». Вот ведь котяра! Ира поймала себя на мысли, что не отказалась бы выпить с ним по чашечке кофе. Но не в этой ситуации. И вообще, все мужики, как известно...

3

В парке было непривычно безлюдно. Не гуляли даже вечные мамы с колясками и пожилые джентльмены с фокстерьерами. Команда вымуштрованных дворников уже успела собрать редкий мусор в аккуратные «сугробы», заменившие собой недавно растаявшие настоящие. Но ветер с упорством беспощадного вандала разрушал пакетно-оберточные пирамиды, не оставляя мумифицированным банановым кожуркам ни единого шанса на посмертие. Странно, что они пощадили ее ай-фон. Или просто сообразили, что хозяйка скоро спустится за потерей.

Ирина быстро зашагала по вымощенной декоративным булыжником дорожке, невольно отстукивая каблуками подслушанный ритм «цок-цок, цок-цок-цок...». Интересно, а этот котяра всё ещё греется на солнышке? В который раз за последний месяц девушка оглянулась. У тополя стоял шпик с зонтиком и, теперь уже не отрываясь, смотрел Ирине в глаза. Очень интересно. А ведь поблизости никого. Вот что значит начинать свой рабочий день ближе к полудню! В безлюдных местах никогда ничего хорошего не происходит.

Сначала «почтальон», теперь этот! Посменно работают, что ли? Эта мысль выбитыми пробками щёлкнула в голове девушки. И вот уважаемая сотрудница кредитного банка (без пяти минут заместитель генерального) несётся сквозь кусты, перепрыгивает канавки и огибает мирно спящих кое-где кошек.

Первые минуты Ира ещё проверяла, не мелькает ли среди деревьев чёрный костюм. Бежать за ней преследователь и не думал. Но кто сказал, что это повод сбавлять ход? Расстроенные нервы не позволяли мозгу наладить работу и отдавали приказы ногам напрямую.

Только отбежав от парка метров на пять, Храброва остановилась. Вокруг не было ни души. Обитатели комплекса либо уже улетели по своим делам куда-нибудь во Францию, либо только лениво потягиваются в своих уютных постелях, либо тусят где-нибудь как Сара. Погоня-погоней, но нужно было вспомнить и о чувстве собственной значимости. Изящным жестом поправив причёску и одёрнув юбку, Ирина приняла самый независимый вид и повернулась на каблуках.

Мужчина стоял у выхода из парка, скрестив руки на груди и блаженно жмурился на солнце. Ну точно котяра! Опасный и наглый котяра. Ира тряхнула головой и, довольная своей временной неуязвимостью, зацокала по асфальтовой дорожке дальше. Она сама порой поражалась собственной беспечности и способности отвлекаться от стрессовых ситуаций. И привычке опаздывать, кстати, тоже!

Как назло, между парком и охраняемой стоянкой располагался небольшой пустырь. По инерции чувствуя себя в полной безопасности, девушка бодро продолжила свой путь. Что ж, придётся немного прогуляться. Вот впереди уже виднеется первый ряд гаражей, каждый из которых мог бы сойти за небольшой дачный домик. Но одна неудачно подвернувшаяся ямка – и с сухим треском от её новенького сапога отлетел каблук. Ирина растянулась на асфальте. Возможно, это спасло ей жизнь, потому что с такого положения она смогла заметить между рядами гаражей какое-то движение. Затем она услышала скрежет металла о металл. И вот всего в десяти метрах от неё с крыши гаража прямо на землю падает бесформенная куча тряпья. Хотя нет, никакая это не куча. Это одетый в лохмотья старый знакомый! Картонная коробка прикреплена к его спине на манер рюкзака, а вид ещё более изможденный и устрашающий, чем вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.